

Выбор людей для обучения был поручен старосте, и проходил через всеобщие выборы — кандидатов определяли жители деревни, но последнее слово о том, подходят ли они, оставалось за семьёй Сюн.

Тан Шоу пошёл на такой шаг не случайно — он изначально хотел завоевать доверие и симпатию. Этот способ позволял показать, что он относится ко всем в деревне одинаково: каждый имеет шанс. А если кто и не был выбран — это уже не его вина, сам не дотянул.

На деле же это играло сдерживающую роль. Не страшно, если кто-то захочет протащить в ученики своего ленивого сына или сомнительного родственника. Ведь речь шла о работе на ямен, а в это время страх перед властью был всепроникающим. Никто не осмелится всерьёз рекомендовать кого-то с дурной репутацией — случись что, если ямен вздумает наказывать, отдуваться будет вся деревня.

И в то же время добросовестные, трудолюбивые люди не побоятся выдвинуться: выгода очевидна, и вряд ли кто устоит перед возможностью улучшить свою жизнь.

К тому же такой способ отбора обеспечивал ещё одно — общественный надзор. За избранными будут следить все. Те, кто не прошёл, будут завидовать и искать любую оплошность: хоть крошку грязи, хоть повод придраться. Готовы хоть кость из яйца выковырять*, лишь бы уличить и выслужиться перед семьёй Сюн — а там, глядишь, и место освободится. Поэтому те, кто попадут в число учеников, будут вдвойне осторожны, боясь оступиться, остерегаясь лишнего шага или слова.

(ПП: искать кости в яйце - идиома, означает придраться даже к мелочам)

Ведь если бы надзирала только сама семья Сюн — это всего пара глаз, и проколы были бы неизбежны. А вот когда за тобой смотрит вся деревня — эти глаза уж точно ничего не упустят.

Всего было отобрано девять мужчин. Все они, по словам Сюн Чжуаншаня и остальных членов семьи, были людьми с добрым именем, ловкими и трудолюбивыми. Несколько из них происходили из очень бедных семей, даже одного лян серебра за обучение у них не было. Но, несмотря на это, никто не захотел упускать такой редкий шанс. У кого не было — шли занимать, сжав зубы, но деньги собирали и несли в дом семьи Сюн. Эти трудности, наоборот, заставили их ещё сильнее ценить полученную возможность.

Обучением занимались Сюн Тэ и Сюн Чжу. Когда ученики усвоили основы, братья пошли с ними обустроить лежанки у одиноких стариков, а когда убедились, что те справляются, оставили их продолжать работу самостоятельно, а сами вновь вернулись к заказам от зажиточных семей в уезде.

Ученики были разбиты на три группы по трое. Начали с одиноких жителей в самом уезде. Оплата у них составляла только половину от того, что платили семье Сюн, а также был установлен порядок: сначала заканчивают работу по линии ямена, а уж потом имеют право брать частные заказы. Никто не возражал. Ведь даже с половиной платы за десять с лишним

дней они уже возвращали свои вложения, а всё, что шло потом, — чистый доход. Такая возможность — и ремесло дали, и работу обеспечили — стоила гораздо больше одного ляна серебра. Даже если бы плата была вдвое выше — всё равно было бы не жалко.

Разумеется, ещё до начала обучения Тан Шоу ясно обговорил: если однажды он решит продать или обнародовать это ремесло, они не имеют права возражать. Всё честно: своё вложение они уже давно вернули, и даже с прибытком. И все девять учеников это прекрасно понимали. В их глазах это было великое благодеяние со стороны семьи Сюн, и получить такой дар — уже счастье. Куда им лезть в распоряжения на счёт чужого мастерства?

Прошло всего несколько дней — и имя Тан Шоу разлетелось по округе. Теперь об «улитке-фулане» из деревни Синхуа знали не только в уезде Юйлинь, но и в соседних уездах: ведь именно он, за полцены, помогал ямену устраивать тёплые лежанки для всех одиноких стариков уезда. И в то же время все с завистью смотрели на Юйлинь, ведь там оказался такой уездный судья — настоящий «живой небожитель», истинный чиновник ради народа. Сам из казны выделил средства, чтобы спасти несчастных от холода — разве такое часто увидишь? Слава о его доблести быстро пошла по округе, и во многих соседних уездах люди горько вздыхали: «Вот бы и у нас был такой уездный судья, как в Юйлине!» Смотрели на своего — и хмыкали, даже слов не находили.

Тан Шоу и уездный судья оба получили именно то, чего хотели: один — имя добродетельного, деятельного фулана, другой — репутацию мудрого и сердечного правителя. Оба в своих домах наслаждались мгновением славы.

Что до глиняных кирпичей, то их решили не везти из далёкого Дунцзина, а нашли поближе — в другом, более близком уездном городе. Это позволило сэкономить и время, и деньги.

Но столь крупные закупки не остались незамеченными. Люди в том городе быстро обратили внимание на поток уездных посыльных из Юйлиня, которые, как оказалось, приезжали за глиной: земля в самом Юйлине промёрзла, копать было невозможно. Что такое «кан» — мало кто понимал, но те, у кого была хватка, быстро уловили суть: здесь кроется выгодное дело. Так на сцену вышли местные торговцы: начали скупать глину, изготавливать кирпичи и продавать их в Юйлинь.

— Продаём глиняные кирпичи! Продаём! Целая повозка — три ляна серебра! — зазывали они на улицах, и их громкие выкрики быстро привлекли толпы зевак.

— Правда, что за целую повозку глиняных кирпичей ты просишь всего три ляна? — с подозрением переспросил кто-то из толпы.

— Конечно правда, — с улыбкой подтвердил торговец. — Повозка за три ляна, как раз на одну лежанку хватит.

Услышав это, спрашивавший просиял, будто наткнулся на невиданное сокровище.

— Вот тебе три ляна! Живо вези кирпичи ко мне домой! — радостно распорядился он, и, уходя, возбуждённо приговаривал: — Ну вот, наконец-то и я смогу спать на тёплой лежанке!

Когда старик притащил домой целую повозку кирпичей, его сын остолбенел. От неожиданности даже выронил сельскохозяйственный инструмент.

— Отец, ты... ты купил целую повозку кирпичей? Сколько же ты за них отдал?! У нас таких денег нет!

Старик же, напротив, сиял от счастья:

— Я же говорил, что сон у меня был добрый, значит, день будет удачным. Только вышел из дома — а тут как раз продавцы с глиной! За повозку просят всего три ляна. Я прикинул — как раз хватит на одну большую лежанку.

— Что?! Всего три? Разве не пять?

— Не-а, — покачал головой старик. — Эти-то из другого уезда приехали, у них дешевле, чем у семьи Сюн. Я у них купил кирпичи, а потом найму кого-нибудь за шестьдесят вэнь, чтобы установил лежанку — и в итоге всё выйдет гораздо дешевле!

Сын старика, наконец, тоже понял, в чём выгода, и, улыбнувшись, воскликнул:

— Если так, то и мы сможем устроить себе лежанку, и у старшего дяди хватит средств! Я сейчас же к нему сбегаю, пока кто другой не раскупил весь товар! — и, не дожидаясь ответа, пустился бегом, скрывшись вмиг из виду.

Старик просчитал всё очень ловко, но не учёл одного — а согласится ли семья Сюн на такую сделку. Когда он пришёл к братьям Сюн с просьбой установить лежанку из своих кирпичей, те оказались в затруднении: с таким поворотом они ещё не сталкивались. Решив не принимать решения наобум, они повели старика к Тан Шоу.

— Заказы на наши каны расписаны уже до пятого числа, — невозмутимо сказал Тан Шоу. — Те, кто хочет вне очереди, платят дороже.

Старик-то и купил дешёвые кирпичи именно ради экономии, и, разумеется, не собирался доплачивать.

— Тогда я и не настаиваю, пусть будет шестое число. Только вы уж точно пообещайте, что шестого придёте именно ко мне, — быстро заговорил он и тут же вынул шестьдесят вэнь —

оплату за работу — и протянул их Тан Шоу.

Но тот не взял — отступил на шаг и покачал головой. Старик испугался, что тот откажется, и поспешно шагнул вперёд, почти насильно пытаясь всунуть монеты ему в руки. Поведение стало напористым, даже грубым — он пытался навязать сделку, будто покупает услугу, как вещь на базаре.

Но он забыл, что перед ним не кто-нибудь, а семья Сюн, и Сюн Чжуаншань — человек с весьма вспыльчивым, даже свирепым характером. И терпеть навязчивость, тем более в грубой форме, он точно не собирался.

Сюн Чжуаншань сделал всего один шаг вперёд, встал перед Тан Шоу, полностью заслонив его собой. Рука старика, которую тот уже протянул, чтобы всучить деньги, наткнулась на его грудь, словно на каменную стену. Старик тут же отдёрнул её, сдавленно поморщившись от боли.

Пока он потирал руку, у него мелькнула мысль — воспользоваться возрастом, надавить, поворчать, припугнуть. Но едва он поднял глаза — встретился с ледяным, мрачным взглядом Сюн Чжуаншаня. Тот смотрел на него с такой яростью, что старика прошиб холодный пот, тело вздрогнуло от страха, и вся угроза, что он собирался выдать, с треском лопнула — с шумным пuffs, будто испуганный звук из... другого места.

Тан Шоу чуть высунулся из-за спины Сюн Чжуаншаня и спокойно сказал:

— Семья Сюн устанавливает каны только тем, кто купил глиняные кирпичи у нас. Раз вы купили не у нас — что ж, ищите других мастеров.

— Но ведь только в вашей семье и знают, как это делается! — в отчаянии воскликнул старик. — Если не к вам, то к кому мне идти?

— Подождите, — невозмутимо отозвался Тан Шоу, — у нас в деревне теперь есть ещё несколько человек, кто умеет. Пусть закончат работу по казённому заказу — и, возможно, кто-то из них возьмётся и за ваш заказ.

— А когда ж это они закончат? — запричитал старик.

— А этого мы уж точно сказать не можем, — с той же мягкой, вежливой улыбкой ответил Тан Шоу. — Столько домов, кто ж знает, сколько времени уйдёт. Может, и за месяц управятся, а может, и за несколько — всё зависит от того, как быстро руки у них набьются. Мы, семья Сюн, в такие сроки не лезем, понятия не имеем.

Он говорил мягко, вежливо, сдержанно, но от этой учтивости у старика внутри всё кипело — от злости он снова несколько раз громко... испустил газы.

Но ничего не поделаешь. При всей своей обиде он прекрасно понимал: с Сюн Чжуаншанем шутки плохи. Хоть и хотелось сцепиться, надавить, устроить скандал, но взглянув на крепкое, угрожающее телосложение этого мясника, старик инстинктивно отступил. С таким кулачищем, как у него, одним ударом можно все старые кости в прах обратить. Упадёшь в землю — и никакие лежанки уже не понадобятся.

Так что, как ни досадно, пришлось сердито буркнув, с тяжёлым вздохом развернуться и уйти.

Семья у него была обычная, небогатая. Три лян серебра — не самая великая сумма, но и не такая уж малая. Если бы лежанку ему устроили, ну, бог с ним. Но если кирпичи так и останутся в куче грязной глины, то что это? Деньги на ветер. А если ещё и ждать придётся до самой весны — так тогда зачем вообще всё затевалось? С приходом тепла и земля оттаёт, и глины будет навалом.

А хуже всего было то, что он сам решил, будто схватил удачу за хвост, и тут же побежал сообщить родне. Те, услышав про дешёвые кирпичи, тоже решили, что это отличная возможность, и накупили кирпичей с расчётом, что семья Сюн вот-вот придёт и всё установит. А теперь, когда выяснилось, что лежанки им никто не сделает, все ополчились на старика, обвиняя его в обмане и каждый день являясь к нему с упрёками. Сам он досадовал: ну да, он был зачинщиком, но разве решение принимал один? Все же сами согласились! К тому же он ведь сам тоже остался с кучей глины и без лежанки — какое уж тут намеренное вредительство?

Чем больше он думал, тем больше жалел потраченные деньги, тем больше злился на всех и на себя. От обиды и волнения к вечеру у него случился настоящий нервный срыв, и он слёг с болезнью.

Хотя семья Сюн и отказывалась брать заказы у тех, кто покупал глиняные кирпичи не у них, это не остановило поток желающих. Люди продолжали покупать кирпичи. Некоторые, кто был в хороших отношениях с яменскими служащими, пытались разузнать, когда освободятся нанятые для госработ мастера. Несколько знакомых чиновников, заглянув в списки, по секрету сообщали: максимум через месяц управятся.

Узнав, что как раз к Новому году можно будет обзавестись лежанкой — а это, как-никак, добрый знак — многие поспешили купить кирпичи и заранее договориться через знакомых, чтобы те зарезервировали за ними мастеров на тот случай, как только те завершат работы для ямена.

Позже нашлись и те, у кого хватило деловой хватки: они начали напрямую продавать свои кирпичи самому ямену. Цена была не три лян за повозку, а немного ниже — накидывали чуть за доставку, и всё. Продавцами оказались крестьяне из уездов под управлением городов провинции, которые сбывали глину партиями. Для них заработать лян за одну поездку — уже удача. Ямен, понимая, что это всё равно выходит дешевле, чем везти с далёких расстояний, охотно соглашался. Так что торговцев кирпичами в городе меньше не становилось — наоборот, улицы кишели ими.

Когда Цзинь Цзиньчэн приехал в Юйлинь, он был поражён: повсюду, куда ни глянь — глиняные кирпичи. Он даже решил, что у него помутилось зрение. Потёр глаза, моргнул, уставился снова — а перед глазами всё те же груды глины.

— Юйлинь совсем с ума сошёл? — пробормотал один из его охранников. — Они что, глиняные кирпичи покупают?!

— Кирпичи?.. — повторил Цзинь Цзиньчэн, и в глазах его тут же вспыхнул живой блеск. — Быстро! Вперёд, к дому семьи Сюн! Это точно проделки того самого Сюн-фулана! Уверен, это как-то связано с теми кирпичами, что он у меня просил. Если не поторопимся — другие нас обскачат! — и, не дожидаясь ответа, он пришпорил лошадь и понёсся вперёд, первым к дому Сюн.

Увидев Цзинь Цзиньчэна на пороге, Тан Шоу сразу понял — пожаловал тот, кто приносит серебро, и настроение у него моментально поднялось.

Цзинь Цзиньчэн, не теряя ни секунды, заговорил с нетерпением:

— Сюн-фулан, вы, должно быть, снова что-то придумали из этих глиняных кирпичей? Ну-ка, покажите, что на этот раз?

Тан Шоу провёл его в гостевую комнату и указал на тёплый кан.

— Это обогреваемая лежанка - кан. Попробуйте сесть.

Цзинь Цзиньчэн вскарабкался на кан — и поразился: он действительно тёплый. В его богатом доме, конечно, был установлен «дилун» — земляной обогрев, но старинная система не могла сравниться с современным тёплым полом, и уж тем более — с этим новшеством. Он тут же представил: если в его доме поверх дилуна устроить такую лежанку, разве не будет там тепло, как весной?

— Сюн-фулан, — сразу же загорелся он, — вы продаёте это мастерство?

— Нет, — покачал головой Тан Шоу, — не продаю.

Цзинь Цзиньчэн и сам это предугадал, потому и спросил, скорее, для порядка. Но затем он заговорил серьёзнее:

— В таком случае, не могли бы вы приехать в столицу или отправить людей? Мне нужно обустроить несколько таких лежанок в доме. С деньгами вопросов нет — сколько скажете, столько и будет. Главное — чтобы вы поехали.

А ехать в Дунцзин Тан Шоу действительно собирался — это был ключевой шаг в его плане.

— Отправить я могу, — ответил он, — оплата будет такая же, как у жителей уездного центра Юйлиня: по тридцать вэнь с человека за одну лежанку. Но с одним условием. Вы обязаны гарантировать безопасность жизни и имущества моим двум братьям. Как они с вами уедут — так же целыми и невредимыми должны ко мне вернуться.

Цзинь Цзиньчэн сразу понял, к чему клонит Тан Шоу: способ обустройства лежанки был уникален, семья Сюн продавать его не собиралась, а в свете такого ажиотажа не исключено, что у кого-то может и рука дрогнуть — попытаться силой выведать секрет или навредить братьям, чтобы заполучить их знания.

Он тут же хлопнул себя по груди и твёрдо пообещал:

— Об этом можете не беспокоиться. Безопасность ваших братьев я лично гарантирую. Куда бы они ни пошли, в чьём бы доме ни работали — я прикажу приставить к ним охрану. С моим именем в Дунцзине ни у кого не хватит смелости их тронуть. Обещаю: заработают они там, что называется, и чашу наполнят, и таз подставят!

Тан Шоу повернулся к братьям Сюн, чтобы обсудить с ними поездку. Главной целью было отправиться в столицу, чтобы устроить каны во дворце Чжэнбэй-вана. В конце концов, именно его заступничество когда-то спасло их от беды — и этот долг стоило бы вернуть. А в будущем, когда придёт время обнародовать секрет мастерства, помощь Чжэнбэй-вана может вновь оказаться решающей.

Братья всё поняли и, не раздумывая, согласились.

<http://bllate.org/book/13592/1205373>